

УДК: 81'366.54:81'367.332

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-43-62

ПОНЯТИЯ ПРОСТЕЙШЕГО И ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПАРАДИГМЕ СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ ПАДЕЖА

А.Ф. Дремов

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В настоящей статье представлены отдельные результаты системных исследований функций падежей в простом русском предложении. Прежде всего, постулируется и излагается системная трактовка простейшего и простого предложения как синтаксических единиц, имеющих не только разные составы и структуры, но и разные грамматические значения и категориальные смыслы. Одновременно определяется понятия события; уточняется понятие предикации; вводится понятие диалектического, или каузального, силлогизма как значения внутренней формы простого предложения; параллельно приводится остенсивное определение внутренней детерминанты русского языка.

Ключевые слова: падеж, простое предложение, суждение, посылка, каузальный, или диалектический, силлогизм, событие, внутренняя детерминанта русского языка

I

По моему убеждению, квинтэссенцией системной теории падежа является гениальная и одновременно удивительно простая мысль Г.П. Мельникова о том, что падеж есть свернутая предикативная единица, а синтаксическая единица, называемая простым двусоставным распространенным предложением, в действительности представляет собой компрессированный текст, который необходим для исчерпывающего описания события. Эта идея, насколько мне известно, была им сформулирована в начале 1980-х гг., а все, что Геннадий Прокопьевич написал или высказал на эту тему позднее, является, по сути дела, развитием и углублением именно этой идеи.

В процессе изучения источников с целью проверки этой гипотезы стало выясняться, что некоторыми лингвистами уже высказывались созвучные мысли, но оценить теоретическую значимость этих наблюдений стало возможным лишь после их рассмотрения под углом зрения гипотезы Г.П. Мельникова.

Однако истоки системной теории падежа¹ следует искать в более ранних произведениях Г.П. Мельникова, в которых он, в частности, сформулировал

¹ Системная теория падежа является составной частью современной системной лингвистики — направления отечественного языкознания, восходящего своими истоками к идеям В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.И. Срезневского, И.А. Бодуэна де Куртенэ и ряда других языковедов, и имеющего в качестве методологической основы системологию Г.П. Мельникова ([2]. О принципах системной лингвистики см. библиографию работ Г.П. Мельникова на сайте Лаборатории компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ [ilol.msu.ru/~lex/meln_bibl.htm]). Ю.С. Степанов предложил рассматривать системную теорию падежа, называемую им текстовой, как часть общей теории диатез глагола — падежей имени [3. С. 136].

положение о том, что «развитие языковых форм обусловлено наличием специализированных коммуникативных функций» [1. С. 70; 2. С. 42]. Используемый Г.П. Мельниковым системно-коммуникативный подход позволил совершенно по-новому взглянуть на проблему падежа и природы его значения, а также дать ясный ответ на целый ряд дискуссионных вопросов. Именно тогда получила теоретическое обоснование инвариантность значения языкового знака вообще и значения падежной морфемы в частности, а также идея «„имманентной“ системности падежей», намеченная еще Е. Куриловичем [4] и развитая в концепции Ю.С. Степанова [5]. Кроме того, вскрытая Г.П. Мельниковым эволюция развития коммуникативных функций дала возможность «не только проинтерпретировать и сопоставить „в одном масштабе“ известные (на тот момент. — А.Д.) классификации падежей, но и внести некоторые уточнения в типологию падежных систем» [2. С. 51].

Опираясь на эти и другие результаты своих исследований, Г.П. Мельников и выдвинул гипотезу², значение которой даже сейчас трудно переоценить: во флективном языке номинативного строя падежи развиваются в ответ на функциональный запрос его системы на обеспечение формальной связности и одновременной компрессии содержательно связного текста, необходимого для описания развивающегося события. Падеж, рассматриваемый под таким углом зрения, предстал как знак, инвариантное значение которого эквивалентно значению атомарного предложения, понимаемого теперь как внешняя форма сообщений о явлениях. Примерно в то же время Г.П. Мельниковым были внесены существенные уточнения в понятия предикации и коммуникативного акта и обосновано разграничение понятий высказывания, сообщения и предложения.

Трактовка падежа как свернутой предикативной единицы, по сути дела, положила начало современному этапу развития системной теории падежа.

Особо следует отметить, что предложенное Г.П. Мельниковым понимание природы падежного значения и основные положения системной «падежной грамматики», несмотря на то что они в наших работах, как я надеюсь, уточняются, дополняются и развиваются, за истекшее время не утратили ни своего значения, ни актуальности, а их справедливость только подтверждается. Настоящую публикацию следует рассматривать как очередную попытку популяризации или даже пропаганды системной теории падежа и преимуществ системного подхода к изучению любых явлений языка.

II

Одним из результатов изучения функций падежей в простом предложении стало осознание того, что сообщения о наблюдаемых **явлениях**³ (*Огонь гаснет / погас / погаснет; Цветы вянут / завяли / завянут; Солнце садится / село / сядет*

² Доказательству этой гипотезы была посвящена наша диссертация [6]. Однако ко времени ее защиты основные положения системной теории падежа уже были изложены в [7].

³ Явление — любое проявление свойств объекта; элемент триады «сущность — среда — явление».

и т.п.) и сообщения о **событиях**⁴ (*Охотник снегом гасит в лесу огонь; Учитель объясняет ученикам теорему; Художник продал музею свою картину* и т.п.) имеют не только разный состав и структуру, т.е. **внешние формы**, но и разные значения, т.е. **внутренние формы**. А это в свою очередь привело нас к пониманию необходимости выделить в самостоятельный вид синтаксическую единицу, которую обычно называют «простым двусоставным нераспространенным предложением», и разграничить тем самым простейшее и простое предложение, а также точнее определить значения и категориальные смыслы сообщений, имеющих форму этих синтаксических единиц.

1. Простейшее предложение, его состав, значение и обобщенный номинативный смысл

Простейшее предложение — это внешняя форма сообщений об отдельно взятых явлениях, напр., таких, как *Свеча (не) гаснет; Вода (не) течет; Одежда (не) сохнет*, а равно и сообщения, входящие в состав первообразных текстов, т.е. связанных по смыслу речевых произведений, которыми до формирования падежей и класса переходных глаголов описывались события, напр.: *Охотник (не) гасит. Снег (не) гасит. Огонь (не) гаснет.*

Значением, или внутренней формой, таких сообщений, называемых также атомарными предложениями или клаузами, является суждение, точнее сказать, суждение с так называемым «явным предикатом». Поэтому простейшее предложение рассматривается нами как отображение в языковом сознании диалектического суждения — формы мысли о наблюдаемом явлении, а предикирование — как вербализация продуцентом мысли в форме суждения с целью возбуждения в сознании реципиента элементарного умозаключения.

Теперь остановимся на вопросе о том, как в системной лингвистике понимается суждение.

Всякое суждение, в частности суждение о являющемся объекте, есть результат рассуждения — «акта самостоятельного полагания через анализ»⁵. В процессе рассуждения конкретный, чувственный образ воспринимаемого объекта, названный нами антецедентом, подвергается в сознании наблюдателя-продуцента анализу и разлагается на два более простых, абстрактных, образа: 1) индивидуальный образ

⁴ Событие — это имеющий основание, хронологическую определенность и естественную меру развития цикл генетически связанных явлений. Понятие события не тождественно понятию ситуации — совокупности обстоятельств, условий. Ситуация — это состояние среды события, комбинация явлений участвующих в нем адъяцентов (об это будет говориться ниже). В описании события на первый план выходит идея динамики, движения, в описании ситуации — идея статики. Событие подобно музыке, ситуация же сродни архитектуре.

⁵ Данное именование было образовано нами по аналогии с термином В. Гумбольдта «акт самостоятельного полагания через соединение (синтез)» [8. С. 35], «который, как это доступно лишь для подлинно творческого акта духа, производит из двух связуемых элементов третий, где оба первые перестают существовать как отдельные сущности» [8. С. 107], и «создает нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых» [8. С. 197]. Этот мыслительный акт тоже можно представить в виде формулы: $S - P \rightarrow C$, где C есть консеквент умозаключения, а стрелкой обозначен синтез консеквента.

воспринимаемого объекта (либо обобщенный и социализированный благодаря языку образ типичного представителя того класса, в который входит наблюдаемый объект), выполняющий в суждении функцию субъекта (тема сообщения — имя — подлежащее простейшего предложения), и 2) такой же обобщенный социализированный образ проявляемого объектом свойства, выполняющий в суждении функцию предиката (рема — личная форма глагола — сказуемое простейшего предложения). Мыслительное разложение антецедента на субъект и предикат суждения можно представить формулой $A \div S - P$, в которой знаком деления обозначен анализ.

Устойчивое единство, формирующееся в идиолекте социализируемого, овладевающего языком индивида как ассоциация по смежности двух инвариантов — 1) диалектического суждения, состоящего из S и P, и 2) простейшего предложения, состоящего из подлежащего — формального ядра темы и сказуемого — формального ядра ремы, есть двусторонняя предикативная знаковая форма, или пропозиция⁶. Для реципиента факт того, что воспринимаемое им высказывание имеет форму простейшего предложения, означает, что этим речевым произведением выражено суждение и что он должен понять это суждение, т.е. вывести из него актуально значимое знание («новое»). Другими словами, он должен вообразить объект, о котором говорится в сообщении (ядро темы — имя — подлежащее — субъект), в тот момент или интервал его бытия, когда он обнаруживал для наблюдателя-продуцента названное в сообщении свойство (ядро ремы — личная форма глагола — сказуемое — предикат).

Таким образом, категориальным номинативным смыслом сообщений, имеющих форму простейшего предложения, является образ объекта в его явлении. Поэтому, в частности, предикативность понимается нами как «коммуникативный императив» — как указание сформировать из двух абстрактных образов (субъекта и предиката суждения) посредством умозаключения конкретный образ объекта — консеквент, подобный в той или иной мере образу-антецеденту, возникшему во внеязыковом сознании продуцента вследствие непосредственного восприятия описываемого объекта как «данного»⁷. А это значит, что если консеквент умозаключения реципиента значительно отличается от антецедента рассуждения продуцента, то акт коммуникации, являющийся основой взаимопонимания, не может считаться состоявшимся.

Элементарный коммуникативный акт, включающий в себя, во-первых, переход «от смысла к тексту», т.е. а) анализ образа-антецедента и б) предцирование — вынесение продуцентом суждения как сообщения, облакаемого в форму простейшего предложения, с целью стимулировать во внеязыковом сознании реципиента умозаключение, и, во-вторых, переход «от текста к смыслу», т.е. в) аудирование, трактуемое как акт восприятия и девербализации реципиентом адресованного ему сообщения, и г) понимание воспринимаемого сообщения — умозаключение, т.е. синтез образа-консеквента, можно представить в виде простой схемы.

⁶ Именно этот термин нам представляется адекватным, поскольку «восходит к лат. *propositio*, первоначально обозначавшему в логике суждение, а в лингвистике — предложение» [9. С. 401].

⁷ «Данное — к.-л. объект, ставший предметом рассмотрения, познания» [10. Т. 1. С. 428].

Введем для этого следующие условные обозначения: 1) конкретный образ наблюдаемого продуцентом явления (напр., гаснущего огня), т.е. антецедент (основание суждения), и тот конкретный образ, который формируется в сознании реципиента при понимании сообщения, т.е. консеквент (результат умозаключения; вывод; «новое»), обозначим символом \emptyset и заключим его, как и символы всех других образов, в скобки, чтобы отличать от самого наблюдаемого объекта — денотата, «данного», референта (т.е. гаснущего огня), который будет представлен на схеме таким же символом, но без скобок; 2) обобщенный образ огня (понятие «огонь») обозначим символом O ; 3) обобщенный образ проявляемого данным объектом свойства (понятие «гаснуть») — слэшем (косой чертой); 4) особенности природы каждого из образов обозначим скобками разной формы: символ антецедента как чувственного образа явления заключим в фигурные скобки, символ консеквента как умозрительного образа явления — в квадратные скобки, а символы абстрактных образов, т.е. понятий «огонь» и «гаснуть», — в простые; 5) анализ образа гаснущего огня, т.е. вынесение продуцентом суждения, обозначим знаком \div , а синтез «нового», т.е. получение вывода из суждения реципиентом, стрелкой; 6) синтетическую (генетическую, порождающую) связь субъекта и предиката суждения, отражающую объективное единство объекта и проявляемого им свойства, обозначим знаком тире.

Таблица 1

Структура акта взаимопонимания*

Сфера продуцента (рассуждающего, говорящего)				Сфера реципиента (слушающего, умозаключающего)	
\emptyset — денотат		Сообщение «Огонь гаснет»			
{ \emptyset }	\div	(O) — (I)	\rightarrow	[\emptyset]	
A антецедент (повод)	\div	S — P субъект — предикат	\rightarrow	C консеквент (вывод)	
«предикамент»	\div	----- предиканд — предикатор	\rightarrow	----- предикат**	
		ядро темы — ядро ремы			
		подлежащее — сказуемое N_0 — V_f			
основание		условие — причина	\rightarrow	следствие	

*Здесь представлен вариант схемы акта коммуникации из [11. С. 47].

**Триада «предиканд — предикатор — предикат» предложена Г.П. Мельниковым [7. С. 51]. Но мы здесь используем традиционные термины — субъект и предикат.

Производный образ [\emptyset], т.е. консеквент умозаключения, является косвенным впечатлением — результатом опосредованного познания действительности реципиентом. Иными словами, образ [\emptyset] есть результат восприятия не самого «сигнала» — «естественного раздражителя», т.е. являющегося объекта, а «сигналов сигнала» (по И. П. Павлову) — знака этого объекта (имени; N) и знака проявляемого этим объектом свойства (глагола; V), а также грамматических, служебных знаков, т.е. знаков коммуникативных функций имени как ядра темы сообщения

(N_0) и личной формы глагола как ядра ремы сообщения (V_f)⁸, а значит и функций выражаемых ими смыслов (образов; понятий) как субъекта и предиката суждения.

При понимании сообщения консеквент умозаключения реципиента и антецедент рассуждения продуцента, образы $[\emptyset]$ и $\{\emptyset\}$, оказываются изоморфными, несмотря на то что они, во-первых, не изэстетичны, ибо в их формировании участвуют разные сигнальные системы, и, во-вторых, не изогенны⁹, поскольку у антецедента как чувственного образа есть реальный прообраз — явление \emptyset (внешний денотат; зд. это наблюдаемый гаснущий огонь), в то время как у консеквента как производного, синтезированного образа такого прообраза нет.

Понятно, что если бы наша речь и сейчас строилась только на основе простейшего предложения, никакой необходимости ни в падежах, ни в переходных глаголах у нас в принципе не было бы: при описании любого события специфика явлений включенных в него или причастных к нему существ и вещей выражалась бы не падежными флексиями, а глагольными диатезами типов «делает», «имеет» или «есть» в функции рем простейших сообщений, из которых составляется первообразный текст, необходимый для описания события.

2. Простое предложение, его состав, значение и категориальный смысл

В отличие от простейшего предложения, сформированного на ранних этапах развития языка¹⁰ как «абстрактный образец» сообщений о **явлениях**, простое предложение формировалось по мере развития падежей и класса переходных глаголов как внешняя форма сообщений о **событиях**, напр. таком, как *Учитель мелом пишет ученикам на доске теорему Пифагора*.

Значением, или внутренней формой, таких сообщений является особое мыслительное единство, называемое нами диалектическим, или каузальным, силлогизмом.

В отличие от категорического силлогизма, являющегося формой отражения в сознании родовидовых (парадигматических) отношений между понятиями¹¹, силлогизм данного вида представляет собой диалектическую форму отражения целочастных (синтагматических) отношений, возникающих между объектами и их образами, когда «они оказываются функционально взаимодополняющими по отношению к функции того целого „механизма“, в который они входят как „детали“» [21. С. 26].

⁸ Понятно, что сообщения, формой которых является пропозиция, могут быть распространены: *Сильный огонь медленно гаснет*.

⁹ Толкование понятий «изэстетичный» и «изогенный» см. в [12. С. 287].

¹⁰ Раздельное существование моделей «Кто + активный глагол» и «Что + стативный глагол» предшествовало существованию модели «Кто — что», которая «выглядит как их сложение» [13. С. 287].

¹¹ В хрестоматийном примере категорического силлогизма *Все металлы электропроводны. Медь — это металл. Следовательно, медь электропроводна* объем понятия «медь» входит в объем понятия «металл», объем которого входит в объем понятия «электропроводный материал».

Поскольку событие рассматривается нами как цикл генетически, причинно связанных явлений, простое предложение (внешнюю форму сообщений о событиях) можно трактовать как «сценарий» события — «список действующих лиц пьесы с указанием порядка и времени их выхода на сцену»¹².

Устойчивое единство, формирующееся в идиолекте социализируемого индивида в результате ассоциации по смежности двух инвариантов — каузального силлогизма и простого предложения, т.е. внутренней и внешней форм сообщений о событиях, есть сложный языковой знак — двусторонняя полипредикативная (полипропозициональная) знаковая форма, которую, видимо, при необходимости можно называть «силлогической»¹³.

Простое предложение, в отличие от простейшего, представляет собой формально-грамматическое средство выражения координационной связи посылок каузального силлогизма и их консеквентов: напр., из высказывания *Охотник снегом гасит огонь* следует, что охотник «делает», а именно *гасит* (причина события; агенс), поэтому снег тоже «делает» — *гасит* (условие, фактор; фациенс¹⁴), а огонь, как следствие, «есть таков, какова причина» — *гаснет* (следствие; пациенс), поскольку «структура причины воспроизводится в структуре следствия с точностью до изоморфизма» [10. Т. 4: 372]. В высказывании, имеющем форму простого предложения, эта связь, будучи отображением каузальной связи явлений, выражена не лексически — диатезами одного глагола, как в первообразном тексте (*Охотник гасит* + *Снег гасит* + *Огонь гаснет*, из чего следует, что «здесь-сейчас» имеет место событие), а грамматически — падежными алломорфами.

Несмотря на то что сообщение о событии полипредикативно и в этом отношении аналогично тексту, предложение, в форму которого оно облекается, можно считать формально простым: в нем есть только одно эксплицитное глагольное сказуемое — внешняя форма обосновывающей¹⁵ (большей, координационной)

¹² Авторство сравнения предложения с «маленькой драмой», как известно, принадлежит А. Сеше [14. С. 49], хотя популярным оно стало благодаря Л. Теньеру, который писал, что в предложении тоже «обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства», названные им актантами и сирконстантами [15. С. 117]. В терминосистеме Г.П. Мельникова им соответствуют понятия «партиципанта» и «адьяцента» (см. [16], а также [17. С. 164]).

¹³ По аналогии с «пропозицией».

¹⁴ Явление фациенса (орудия, материала, средства и т.д.) тоже является результатом действия агенса, хотя и особого рода: это необходимое внутреннее условие события.

¹⁵ В состав простого категорического силлогизма должно входить три функционально различающихся суждения: основное, функцию которого выполняет меньшая посылка (*Сократ — человек*), обосновывающее, функцию которого выполняет большая посылка (*Все люди смертны*) и выводное, функцию которого выполняет заключение (*Сократ смертен*) [18. С. 5; 19. С. 39—40]. По нашему мнению, в диалектическом силлогизме тоже имеются функционально аналогичные суждения: суждения, внешними формами которых являются падежи, выполняют в нем функцию основных посылок, а то суждение, внешней формой которого является глагольное сказуемое, является обосновывающей посылкой. Что касается выводных суждений, то им, в соответствии с «законом Гумбольдта — Поттебни — Рубакина» [20. С. 61; 21. С.63], в сообщении, внешней формой которого является простое предложение, прямых соответствий нет [7. С. 50].

посылки каузального силлогизма. Грамматической формой этого сказуемого выражается время, модальность и вид явления агенса как причины события. Эти же характеристики явлений всех других втянутых в событие субъектов и объектов (хронология их явлений, т.е. таксис¹⁶), в простом предложении выражаются имплицитно — морфологически, точнее, с помощью падежей, которые, будучи свернутыми простейшими предложениями, являются внешними формами основных (меньших) посылок каузального силлогизма, координируемых с обосновывающей посылкой не только в плане лексической, но и в плане грамматической семантики. Так, совершенно очевидно, что из сообщения *Александр посылает коллеге статью Серию* следует, во-первых то, что Серио является создателем упомянутого произведения и что он создал его еще до начала текущего события, т.е. в относительном прошлом, во-вторых, то, что статья посылается в относительном настоящем, а в-третьих, то, что коллега Александра получит ее в относительном будущем.

Что касается статуса предлога¹⁷, то он, по нашему мнению, является знаменательной частью речи, «вещественным» знаком, категориальное лексическое значение которого — это отношение явлений партиципантов, обнаруживающееся как влияние. В отличие от связи, обозначаемой переходным глаголом, отношение характеризуется не функциональной, а корреляционной зависимостью, т.е. отсутствием причинения. Влияние обнаруживает себя тем, что явление адъяцента, называемого падежом при предлоге, выполняет по отношению к явлению смежного с ним в пространстве-времени партиципанта функцию окрестностного условия, т.е. служит для него либо катализатором, либо ингибитором, либо стабилизатором. Другими словами, с событийной точки зрения данная часть речи — это знак невключенности адъяцента в инициированный агенсом причинный процесс. Предлоги отличаются от глаголов также тем, что требуют от имени лишь семантического, а не формального согласования¹⁸ [7. С. 67].

Будучи средством формализации отношений номинативных смыслов сообщений-посылок, точнее, их консеквентов, предлог выполняют в предложении функцию несамостоятельного, второстепенного, координируемого сказуемого¹⁹, поскольку собственных финитных форм у него нет, напр.: *Ключ лежит на столе* (отношения локализуемого объекта и адъяцента-локуса относятся к плану настоящего), *Ключ лежал на столе* (то же самое, но к плану прошедшего), *Ключ будет лежать на столе* (то же самое, но к плану будущего).

¹⁶ «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [22. С. 101]. См. также [23. С. 504; 24. С. 20]. При анализе простого предложения речь должна идти о зависимом и имплицитном таксисе.

¹⁷ Системному анализу функций предлогов в семантической структуре высказывания с позиций системной лингвистики было посвящено исследование Д.М. Гзгзяна [25].

¹⁸ Поэтому один предлог может сочетаться с разными падежами, а разные предлоги — с одним падежом.

¹⁹ Предлог поэтому можно сравнивать с лианой, которой необходима опора. Такой грамматической «опорой» предлогу в предложении служит «независимое» эксплицитное глагольное сказуемое — V_f .

Отношение, как и связь, по меньшей мере двухместно (aRb , где a и b — это объекты, а R — отношение, напр., *книга на столе*), и без дополнений-актуализаторов, т.е. абсолютивно, предлоги в русском языке не употребляются, хотя первый член отношения в речи может опускаться («*В лесах*», «*На горах*»). Значение предлогов «находится в них как намек, который становится ясен только при падеже» [26. С. 36—37; 27. С. 180].

Состав падежа. Всякий падеж — это свернутое простейшее предложение²⁰, но в нем логическая (синтетическая, порождающая) связь обобщенного образа объекта и обобщенного образа его функции в событии, являющихся соответственно субъектом и предикатом одной из основных посылок каузального силлогизма, выражена морфологически: подлежащим этого простейшего предложения является основа падежа, а сказуемым — его флексия, которой, как и соответствующей диатезой глагола, обозначается роль в событии партиципанта, называемого падежной основой. Напр.: винительный существительного *лава* в сообщении *Вулкан извергает лаву* эквивалентен по своему содержанию атомарному сообщению *Лавы извергаются*, поскольку этот объект в данном событии является пациенсом, а дательный существительного *люди* в сообщении *Прометей дал огонь людям* равнозначен атомарному сообщению *Люди имеют (получили) огонь*.

Несмотря на то что падежом выражается суждение (мысль, а не смысл), он не может быть самостоятельным сообщением, поскольку, являясь внешней формой какой-л. основной посылки каузального силлогизма, дает реципиенту возможность узнать лишь то, что названный его основой субъект или объект имеет отношение к событию и что явление этого субъекта или объекта обусловлено его участием в причинном процессе или смежностью с этим процессом. Так, взятый вне контекста творительный *облаком* представляет собой компрессированное сообщение, содержащее суждение *Облако «делает»*, из которого реципиент может узнать лишь то, что облако участвует в каком-то событии и включено в какой-то процесс в качестве фациенса (условия). Но что именно оно «делает», «делало, сделало, сделало бы...» — *окутывает, опускается, висит, скрывает, проплывает, называет* и т.д., реципиент может узнать только из сообщения о событии, в котором участвует данный объект [28. С. 41], и только после соотнесения (координации) значения морфемы творительного падежа с грамматическим значением глагола-сказуемого простого предложения, которым именуется причина события.

Следовательно, с синтаксической точки зрения, падежи — это не распространяющие, а конституирующие члены простого предложения²¹, это имманент-

²⁰ Только по этой причине именительный, которым сообщается, что называемый его основой партиципant является агенсом, не может быть так называемой «словарной формой»; эту функцию выполняет имя существительное — собственно номинативная часть речи. Кстати сказать, «нулевой падеж» (N_0) на 1-ой схеме не означает, что у этого имени «нулевой род».

²¹ Сказанное относится прежде всего к именительному и реktionным (управляемым) винительному, дательному и творительному, называющих агенса, пациенс, бенефицианта и фациенс соответственно. Понятно, что сообщения, внешней формой которых является простое предложение, могут быть распространенными, в частности благодаря предложно-падежным сочетаниям: *Опытный юрист никогда не даст вам сразу точный ответ на этот каверзный вопрос*.

ные элементы внешней формы канонического русского сообщения, обобщенным номинативным смыслом которого является образ текущего, развивающегося события. Другими словами, простое предложение по отношению к падежам является той системой, в составе которой они функционируют наряду с личной формой переходного глагола (средства именованного причинного процесса, связи) и предлогом (средством выражения отношения и, что не менее важно, средством обозначения невключенности адъяцента, названного падежом при предлоге, в инициированный агенсом процесс).

Поэтому, в частности, ни один падеж не может быть назван «более грамматическим» или «более конкретным», чем какой-л. другой. По этой же причине ни один падеж не может быть назван «прямым» или «косвенным» и противопоставляться в этом отношении остальным: всякий падеж, в том числе и именительный, есть не что иное, как «косвенная форма» того имени существительного, которое, будучи подлежащим простейшего предложения, в падежном оформлении не нуждается [29. С. 324]. «Грамматический» именительный, вопреки расхожему мнению, является таким же «конкретным», как и любой другой падеж, ибо им не только называется субъект, но и сообщается, что он является агенсом описываемого события. Флексия им. п. — это своего рода знак-оператор, значение которого в системной теории падежа определяется как единичное преобразование: действие партиципанта, названного именем в им. п., по отношению к действию, названному глаголом-сказуемым простого предложения, находится в отношениях тождества [7. С. 67]. Другими словами, агенс делает то, что о нем говорится в сообщении.

В пользу сказанного свидетельствуют и данные реконструкции развития падежной системы, осуществленной Ю. С. Степановым: I этап — Имя; II этап — им. п. и вин. п.; III этап — род. п.; IV этап — дат. п.; V этап — твор. п. и предл. п. [5. С. 47—48).

С морфологической точки зрения, падеж — это узуально воспроизводимая совокупность глоссем, т.е. устойчивое единство, состоящее из минимальных двусторонних знаковых форм — языковых знаков. А это значит, что мы не изменяем существительные, не преобразуем их, не производим всякий раз речевые знаки нужной нам формы, а используем уже хранящиеся в памяти падежи так же, как и любые другие «заранее заготовленные», воссоздаваемые, а не создаваемые единицы. Категория падежа занимает промежуточное положение между словоизменительными и словообразовательными категориями. Поэтому падеж можно, по нашему мнению, рассматривать как высшую ступень развития имени, как результат процесса совершенствования внешней формы сообщений о событиях — простого предложения и ассоциированной с ним внутренней формы этих сообщений — диалектического силлогизма. По этой же причине мы полностью согласны с Ю.С. Степановым, по мнению которого падеж «естественно определить как диатезу имени» [3. С. 135]. Если имя существительное — это внешняя форма смысла, являющегося субъектом суждения, то его падежи — это внешние формы суждений, мыслей, которые, будучи значениями компрессированных простейших

сообщений, являются меньшими посылками каузального силлогизма, вследствие чего мы предлагаем теперь называть сообщениями не только такие высказывания, которыми выражается суждение, но и такие, которыми выражается диалектический силлогизм.

III

В итоге мы приходим к следующим выводам:

1) простейшее предложение не является «простейшим случаем простого предложения», а простое предложение не является так называемым «распространенным двусоставным предложением»; они различаются не только количественно, но и качественно;

2) данные синтаксические единицы имеют разные составы и разные по сложности структуры;

3) значения, или внутренние формы, сообщений о явлениях и о событиях тоже различны: это соответственно суждение с явным предикатом и каузальный силлогизм, являющиеся важнейшими элементами диалектической логики;

4) сообщение, имеющее форму простейшего предложения, — монопредикативно; предикативность в таком сообщении выражена эксплицитно, синтаксически;

5) сообщение, имеющее форму простого предложения — это компрессионный связный текст, и в нем есть только одна эксплицитная предикативная единица. Поэтому и содержащийся в таком сообщении силлогизм имеет форму энтимемы — сокращенного силлогизма;

6) сообщениями, облакаемыми в форму простейшего и простого предложений, выражается разное по характеру и по форме мыслительное содержание:

а) категориальным номинативным смыслом сообщений, имеющих форму простейшего предложения, является обобщенный образ явления (см. табл. 1); б) категориальным номинативным смыслом сообщений, имеющих форму простого предложения, является обобщенный образ события (см. табл. 2);

7) в состав канонического **простого** предложения входят: главное подлежащее — им. п.; главное сказуемое (личная форма глагола, согласованная с главным подлежащим); три второстепенных подлежащих²², или дополнения-актуализатора главного сказуемого — рекционные вин. п., дат. п. и твор. п.; второстепенное сказуемое — предлог; дополнение-актуализатор предлога — предл. п. и дополнение-актуализатор любого второстепенного подлежащего — род. п.;

8) в состав канонического **простейшего** предложения входит два члена — подлежащие и сказуемое, выраженные соответственно именем и финитной формой глагола.

²² Еще в 1881 году А.В. Попов писал, что «именительный, как указатель на ближайшее, главное для мысли, сделался указателем подлежащего, то есть главного предмета мысли... А винительный, как указатель на дальнейшее, второстепенное для мысли сделался указателем преимущественно на предмет второстепенный для мысли сравнительно с подлежащим (почему он может быть назван второстепенным подлежащим), к которому косвенно относится качество или действие главного предмета» [31. С. 30].

IV

Обобщенно результаты нашей работы можно представить в виде схемы²³, которая дает наглядное представление о том, что такое внутренняя детерминанта русского языка, называемая Г.П. Мельниковым наиболее устойчивой чертой его грамматического строя (см. Мельников [21; 30]). В приведенную ниже таблицу также включены следующие классификации: а) падежей, б) партиципентов (с учетом иерархии их функций, степеней активности, характера и степени причастности к событию) и в) членов канонического простого предложения.

Таблица 2

Остенсивное определение внутренней детерминанты русского языка

<i>ДЕЛАЕТ</i>	<i>ЕСТЬ</i>	<i>ИМЕЕТ</i>	<i>«ДЕЛАЕТ»</i>	<i>«ЕСТЬ»</i>	<i>«ИМЕЕТ»</i>
			причина условие	основание следствие	последствие хронотоп
			S ₁ -агенса O ₂ -фациенса	S ₃ -прекурсор O ₁ -пациенса	S ₂ -бенефициант O ₃ -локуса
			Учитель мелом	Пифагора теорему	ученикам на доске

Пояснения к схеме:

1. Горизонтальной линией на схеме обозначена условная граница, разделяющая событие на две части: область явлений субъектов (S) и область явлений объектов (O), называемых соответственно одушевленными и неодушевленными именами.

2. Вертикальными линиями разграничены этапы развития события и позиции партиципентов:

1) первый этап — отрезок времени, в течение которого наиболее очевидно проявляются свойства агенса: агенс «делает» и тем самым инициирует явления других субъектов и объектов, втягивая их тем самым в причинный процесс и в событие. Поэтому первой позиции, верхнее поле которой занимает агенс (S₁), было присвоено наименование «ДЕЛАЕТ», соответствующее типу явлений этого участника события и фациенса (фактора). Действие агенса служит исходной точкой описания события: посредством формы глагольного сказуемого действие агенса соотносится с актом речи как с «эталонным, координирующим событием» (Э. Бенвенист, Ю.С. Степанов, Г.П. Мельников). Что касается времени, вида и модальности явлений всех других партиципентов, то эти характеристики определяются относительно времени, вида и модальности действия агенса;

2) второй этап — это этап, на котором вследствие действия агенса «есть таков, какова причина» пациенс (O₁): он порождается, продолжает или прекращает быть таким, каковой является причина. Поэтому данной позиции, нижнее поле которой занимает пациенс, было дано наименование «ЕСТЬ»;

²³ См. об этом в [32] и в более поздних работах.

3) третий этап — это завершающий этап событийного цикла. Основным участником данного этапа является бенефициант (S_2): вследствие действия агенса он «имеет» то, что теперь «есть» пациенс. По достижении в своем развитии этого этапа событие исчерпывается, обретает совершенный вид. Третья позиция, с учетом типа действий бенефицианта и локуса, названа позицией «ИМЕЕТ»;

4) каждый S и O состоит из трех материальных сфер, или зон²⁴:

А. Зона «**быть**» (обозначена меньшей окружностью). Это тело S или O. В данной сфере свойства S или O проявляются как его актуальное состояние; в простейшем несвернутом сообщении состояние S или O описывается глаголами-сказуемыми типа «быть» («есть какой-л. / становится или прекращает быть каким-л.», напр.: *горит, растет, сохнет, вянет, течет, сидит, белеет* и т.д.; действия такого рода замкнуты в зоне «быть» S или O; *actio immanens*); неотчуждаемая (или неотторжимая) принадлежность S или O.

Б. Зона «**иметь**» (внешняя граница этой зоны обозначена большей окружностью). В данной зоне свойства S или O проявляются как его актуальные отношения с другими S или O; пространство вокруг партиципанта, в пределах которого обнаруживается его влияние; личное пространство партиципанта; зона рецепции S; отчуждаемая (отторжимая) принадлежность S или O.

В. Зона «**делать**» — это, по сути дела, пространство события. Свойства S или O проявляются в событии как связь данного партиципанта с другими S и O (на схеме связь изображена диагональными линиями со стрелками); *actio transiens*; воздействие агенса на других участников события, т.е. процесс причинения — перенос от агенса к другим партиципантам структуры (формы), вещества (материи) или энергии (движения), вследствие чего они либо «есть» (пациенс), либо «имеют» (бенефициант), либо «делают» (фациенс).

²⁴ Разграничение этих зон позволяет, в частности, объяснять многие особенности выражения отношений объектов в пространстве-времени и таксиса. Так, если какой-л. объект локализуется относительно другого, то положение первого объекта может определяться:

- 1) либо в отношении зоны «**быть**» второго объекта:
 - а) актуальное нахождение в этой зоне — *Дачники гуляют* в лесу (где? — пред. п.),
 - б) нахождение в этой зоне в относительном будущем — *Дачники идут в лес* (куда? — вин. п.),
 - в) нахождение в этой зоне в относительном прошлом — *Дачники идут из леса* (откуда? — род. п.),
- 2) либо в отношении его зоны «**иметь**»:
 - а) актуальное нахождение в данной зоне — *Дачники гуляют у леса* (где? — род. п.),
 - б) нахождение в данной зоне в относительном будущем — *Дачники идут к лесу* (куда? — дат. п.),
 - в) нахождение в данной зоне в относительном прошлом — *Дачники идут от леса* (откуда? — род. п.).

Отправным моментом для выделения в составе субъекта и объекта зон «быть» и «иметь» для нас послужили суждения Ю.С. Степанова об «обращении с пространством» людей, воспитанных в разных национальных культурах [13. С. 12—15], и понятия соппространственности и несопространственности, используемые в [33. С. 9—10]. Значительно позже нам стало известно о разграничении «быть» и «иметь» как модусов существования в философии Э. Фромма [34].

3. Именные члены канонического простого предложения.

1. **Именительный.** Этот падеж выполняет в простом предложении функцию подлежащего. Существительными в им. п. сообщается, кто является агенсом события (диатеза «**делать**»; действие). Категориальный номинативный смысл им. п. — субъект в функции агенса. Агенсу как инициатору события, как главному действующему лицу был присвоен символ S_1 . Будучи субъектом, агенс является источником активности, переходящей от него к фациенсу, пациенсу и бенефицианту в виде энергии, структуры и вещества соответственно. Действие агенса — это причина возникновения и развития события.

2. **Винительный.** Данный падеж выполняет в простом предложении функцию первого прямого дополнения глагольного сказуемого. Категориальный номинативный смысл вин. п. — О-пациенс (диатеза «**быть**»; состояние). Существительными в вин. п. сообщается, какой объект в данном событии является пациенсом (O_1), т.е. таким участником события, актуальное состояние которого является следствием непосредственного воздействия агенса на его зону «**быть**» (S_1 «**делает**» → O_1 «**есть**»²⁵), напр.: *сушит* → *сохнет*; *льет* → *течет*; *белил* → *белеет*; *топит* → *тонет*; *гасит* → *гаснет*; *гноит* → *гниет*; *растит* → *растет*; *воскрешает* → *воскресает*; *кипятит* → *кипит*; *гонит* → *бежит*, а также *продает* → *продается*, *собирает* → *собирается*, *льет* → *льется*; «*Ветер по морю гуляет / И кораблик подгоняет. / Он бежит себе в волнах...*» и т.п.

3. **Дательный.** Этот падеж выполняет в простом предложении функцию второго прямого дополнения глагольного сказуемого. Категориальный номинативный смысл дат. п. — S-бенефициант (диатеза «**иметь**»; отношение). Включением в высказывание имени в дат. п. сообщается об участии в событии второго субъекта, выполняющего в нем функцию бенефицианта (S_2), называемого также адресатом, реципиентом, по отношению к которому агенс выступает донором, получателем чего-л. в результате действия агенса, экспериенцером и др. Действие этого партиципанта является реакцией на действие агенса (или окружающей среды) и называется в простейших сообщениях первообразного текста глагольной диатезой типа «**иметь**», конверсивной диатезе типа «**делать**», которой именуется действие агенса (S_1 «**делает**» что-л. → S_2 «**имеет**» это), напр.: *дает* → *берет*; *говорит* → *слушает*; *объясняет* → *понимает*; *показывает* → *смотрит*; *посылает* → *получает*; *продает* → *покупает* и т.п.). Изменение, происходящее в зоне «**иметь**» бенефицианта, понимается, в частности, как последствие действия агенса, в отличие от состояния пациенса как следствия.

4. **Творительный.** Твор. п. выполняет в простом предложении функцию третьего прямого дополнения глагольного сказуемого (диатеза «**делать**»; связь). Категориальный номинативный смысл твор. п. — О-фациенс. Этим падежом сообщается, приведение какого объекта в движение является условием (фактором) реализации цели агенса или обстоятельством, релевантным для порождения причиной следствия. Явление фациенса (его действие) аналогично действию (явлению) агенса (S_1 «**делает**» → O_2 «**делает**»)²⁶, напр.: *Учитель мелом пишет слово* → *Мел*

²⁵ Стрелкой в примерах обозначена импликация: Если S_1 «**делает**», то O_1 «**есть**».

²⁶ Отсюда «творительный сравнения» (уподобления).

пишет; Охотник снегом гасит огонь → Снег гасит; Св. Георгий пронзает змея копьём → Копье пронзает.

5. Предложный. Этот падеж выполняет в предложении функцию «припредложного» дополнения-актуализатора второстепенного сказуемого — предлога, которым выражается отношение. Этим падежом сообщается об участии в событии объекта, выполняющего в нем функцию О-локуса (хронотопа) — партиципанта, специфика которого состоит в том, что он, будучи участником события, в инициированный агенсом причинный процесс не включен; это адьяцент²⁷, т.е. смежный с процессом партиципанта (данная особенность локуса и соответствующее ей обязательное наличие перед предл. п. предлога обозначены разрывом линии связи). Зона «**БЫТЬ**» локуса является, в частности, местом события, средой, окрестностью, пространственно-временным репером события, фоном, контекстом, «пассивным» инструментом (ср.: *ковать молотом* и *ковать на наковальне*), материалом (*статуя в бронзе*), «грунтом», темой (*думать / говорить о работе*) и т.д.; локус является «вместилищем» события — партиципантом, который «имеет», «содержит», «несет» в самом себе — в своей зоне «**БЫТЬ**»: ***В лесу раздавался топор дровосека; На площади собрался народ; При отце он никогда не курит; Вода закипает при температуре 100 градусов; третий в пятом ряду; пришел в пятом часу*** и т.п.; с состоянием его зоны «**БЫТЬ**» каузальный процесс коррелирует как с окрестностными условиями.

6. Родительный. Данным падежом сообщается, кто является прекурсором описываемого события. Прекурсор (S₃) — это предтеча актуального события, поскольку его явление подготавливает описываемое событие, создает для него необходимые предпосылки, становится его поводом, внешним условием. Напр.: в сообщении о событии *Студенты изучают рефрактор Кеплера* словосочетание *рефрактор Кеплера* восходит к развернутому сообщению об «основополагающем» событии *Этот рефрактор «сделал» Кеплер*, без которого текущее событие не стало бы возможным. Аналогично: *слушать пение птиц*. Прекурсор, как и локус, рассматривается нами как независимый от агенса партиципанта, однако его «автономия» — иного рода. Подобно тому, как местоимением третьего лица называется тот, кто сам в акте коммуникации не участвует, но фигурирует в ней в качестве темы, родительным падежом называется партиципанта, проявление которого именуется главным членом генитивного словосочетания (*запах меда, дом брата, хвост кометы, икона Рублева, опера Бородина* и т.д.), и в процесс включено в качестве его основания, хотя сам прекурсор в течение всего цикла события пребывает («**ЕСТЬ**») вне его пространственно-временных рамок²⁸ и как третье лицо в событии (S₃) имеет к агенсу лишь косвенное касательство: отношение между агенсом и прекурсором опосредствовано объектом, с которым прекурсор связан генетически [29. С. 333].

²⁷ По мнению Г.П. Мельникова, термин «адьяцент» точнее раскрывает суть дела, нежели «сирконстант» Л. Теньера [15. С. 117].

²⁸ Если специфику прекурсора определять не очень строго, но емко, то тогда его можно назвать «невидимым, но ведомым» партиципантом, «умозрительным», т.е. таким, образом которого дополняется образ описываемого события, несмотря на то что самого прекурсора в этом событии нет [29. С. 333].

7. Если сравнить три вида условий события, т.е. явления фациенса (O_2), локуса (O_3) и прекурсора (S_3), то нетрудно заметить, что явление фациенса включено и в событие, и в процесс причинения, явление локуса включено в событие, но не включено в процесс причинения, явление же прекурсора включено в процесс причинения, но не включено в событие.

8. Понятно, что наиболее активны в событии участники, занимающие в нем первую позицию, т.е. такие, которые «делают», — агенс (S_1) и фациенс (O_2). Менее активны участники, которые вследствие действия агенса «имеют», т.е. бенефициант (S_2) и локус (O_3). А наименьшую активность проявляют участники, которые «есть» — прекурсор (S_3) и пациенс (O_1).

В соответствии с полученной классификацией падежей, их значений и обобщенных номинативных смыслов мы можем разделить на группы первообразные предлоги и объяснить особенности их семантической сочетаемости с падежами [29].

Таблица 3

Классификация первообразных предлогов

	без, для, до, из, из-за, из-под, меж / между, от, ради, с, у	к, по
за, над, перед, под, меж / между, с	в, за, на, о, об, (по), под, про, с, через, сквозь	в, на, о, при, (по)

© Дремов А.Ф.

Дата поступления: 14.10.2018

Дата приема в печать: 16.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мельников Г.П. К проблеме критериев разграничения литературных, разговорных и просторечных форм (на материале русских падежей). Социально-лингвистические исследования. М.: Наука, 1976. С. 69—79.
2. Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей. Исследования в области грамматики и типологии языков: Сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 39—64.
3. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989.
4. Курилович Е. Проблема классификации падежей. В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Иностранная литература, 1962. С. 175—203.
5. Степанов Ю.С. Проблема классификации падежей. (Совмещение классификаций и его следствия) // Вопросы языкознания, 1968. № 6. С. 36—48.
6. Дремов А.Ф. Роль падежей русского языка в обеспечении связности и компрессии текста: дисс. ... канд. филол. наук. М.: УДН, 1984.
7. Мельников Г.П., Дремов А.Ф. Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики // Синтаксис и стилистика: сб. науч. трудов / Отв. ред. О.А. Крылова. М.: Изд-во УДН, 1984. С. 49—79.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
9. Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1999.
10. ФЭ: Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Изд-во «Большая Советская Энциклопедия», 1960—1970. Т. 1.

11. Дремов А.Ф. Системный подход к решению проблемы «смысл А → текст → смысл А₁» // Русский текст и русский дискурс сегодня. Санкт-Петербург: Политехника, 2003. С. 45—52.
12. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Мир, 1981.
13. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981.
14. *Sechehaye, A.* Essai sur la structure logique de la phrase. Paris: Champion, 1926.
15. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. Редкол.: Г.В. Степанов (пред.) и др. Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988.
16. Мельников Г.П. Внутренняя форма русского языка — ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях // Беседы в обществе любителей российской словесности: Сборник научных трудов. М.: ОЛРС, 1998. Электронный ресурс: www.lgg.ru/~slovo/Virtual_Sbornik.html; дата обращения: 09.10.2018.
17. Дремов А.Ф. Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного. М.: Мир русского слова, № 1—4, 2001.
18. Рутковский Л.В. Основные типы умозаключений. СПб.: Типо-Литография А.Е. Ландау, 1888.
19. Бойко В.К. Исследование и классификация Л.В. Рутковским основных типов умозаключений. Логико-философские штудии: сб. статей. Вып. 5 / Под ред. Я.А. Слинниной, Е.Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. С. 39—49.
20. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977.
21. Мельников Г.П. Системная типология языков (синтез морфологической классификации языков со стадильной): Учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2000.
22. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Пер. с англ. А.К. Жолковского // Сб.: Принципы типологического анализа языков различного строя; сост. О.Г. Ревзина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 95—113.
23. Бондарко А.В. Таксис // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1999. С. 504.
24. Храковский В.С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. М.: Знак, 2009.
25. Гззьян Д.М. Функция предлога в составе семантической структуры высказывания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.
26. Аксаков К.С. О русских глаголах. М.: Типография Л. Степановой, 1855.
27. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб.: Типография и литография Паульсона и К^о, 1865.
28. Дремов А.Ф. Значение морфемы творительного падежа и смыслы словоформ творительного падежа // Филологические науки в МГИМО: сб. науч. тр. № 7 (22). М.: МГИМО, 2001. С. 33—46.
29. Дремов А.Ф. Понятие внутренней и внешней формы языкового строя в практике преподавания русского языка как иностранного // Материалы ежегодной конференции Общества славяноведения Кореи: сб. докладов. Сеул, Университет Кёнги, 2006. С. 319—340.
30. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
31. Попов А.В. Синтаксические исследования. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях // Отд. отт. из «Филологических записок». Воронеж, 1881.
32. Дремов А.Ф. Лингвистическая модель как основание сопоставительного описания языков // Вопросы языковых контактов и сопоставительное изучение языков: сб. науч. тр. / Под ред. Г.С. Романовой и Г.Г. Тяпко. М.: МГИМО, 1992. С. 43—50.

33. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.
34. Фромм Э. Иметь или быть? / Пер. с англ.; общ. ред. В.И. Добренкова. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990.

УДК: 81'366.54:81'367.332

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-43-62

THE CONCEPTS OF THE SIMPLEST AND SIMPLE SENTENCES IN THE PARADIGM OF SYSTEMIC THEORY OF CASE

Alexey F. Dremov

MGIMO University

76, Vernadskogo ave., Moscow, Russia, 119454

Abstract. The article presents some of the results of systematic studies of the functions of the cases in a simple Russian sentence. Primarily, the systemic interpretation of the simplest and simple sentences as syntactic units is postulated, which possess not only different compositions and structures, but also reveal different grammatical meanings and categorial senses. Alongside, the notion of an event is defined and determined; the concept of predication is clarified and redefined; the concept of a dialectic, or causal, syllogism is introduced as a meaning caused by the internal form of a simple sentence. Consecutively, the ostensive definition of the internal determinants of the Russian language is given.

Key words: case, simple sentence, premise, causal (dialectical) syllogism, event, internal determinant of the Russian language

REFERENCES

1. Melnikov, G.P. (1976). To the problem of the criteria for the delimitation of literary, colloquial and colloquial forms (on the material of Russian cases). In *Socio-linguistic research*. Moscow: Nauka publ. 69—79. (In Russ.).
2. Melnikov, G.P. (1980). The nature of the case values and the classification of cases. *Studies in the field of grammar and typology of languages: Sel. articles*. Moscow: Moscow State University publ. 39—64. (In Russ.).
3. Stepanov, Yu.S. (1989). Indo-European proposal. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Kuryłowicz, J. (1962). The problem of classification of cases. In: *Kuryłowicz, J. Essays on linguistics*. Moscow: Inostrannaya Literatura. 175—203. (In Russ.).
5. Stepanov, Yu.S. (1968). The problem of the classification of cases (The combination of classifications and its consequences). *Voprosy Yazykoznanija*, 6, 36—48. (In Russ.).
6. Dremov, A.F. (1984). The role of the cases of the Russian language in ensuring the coherence and compression of the text [dissertation]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia publ. (In Russ.).
7. Melnikov, G.P. & Dremov, A.F. (1984). Levels of text connectivity, actual predication and case from the position of system linguistics. In *Syntax and style: sel. articles*, O.A. Krylova (Ed.). Moscow: Friendship University of Russia. 49—79. (In Russ.).
8. Humboldt, W. von. (1984). Selected works on linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.).
9. Arutyunova, N.D. (1999). Proposition. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. p. 401. (In Russ.).
10. FE (1960—1970): Philosophical Encyclopedia: 5 vv. Moscow: Great Soviet Encyclopedia.

11. Dremov, A.F. (2003). Systemic approach to solving the problem “meaning A → text → meaning A₁”. In *Russian text and Russian discourse today*. Saint Petersburg: Polytechnic University. 45—52. (In Russ.).
12. Melnikov, G.P. (1980). *Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics*. Moscow: Mir publ. (In Russ.).
13. Stepanov, Yu.S. (1981). *Names, predicates, sentences (Semiological grammar)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Sechehaye, A. (1926). *Essai sur la structure logique de la phrase*. Paris, Champion.
15. Tesnière, L. (1976). *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: C. Klincksieck.
16. Melnikov, G.P. (1998). Inner form of the Russian language — the key to understanding all of its specifics at every level. In *Discourse in the Society of Russian philology society*. Moscow: OLRS. URL: www.lgg.ru/~slovo/Virtual_Sbornik.html (accessed: 09.10.2018). (In Russ.).
17. Dremov, A.F. (2001). Systems theory of the case and preposition in the practice of teaching Russian as a foreign language. Moscow: *World of the Russian word*. Vol. 1—4. (In Russ.).
18. Rutkovsky, L.V. (1888). *Basic types of conclusions*. Saint Petersburg: Tipo-Lithography of A.E. Landau. (In Russ.).
19. Boyko, V.K. (2008). Investigation and classification by L.V. Rutkovsky of the main types of inference. *Logical and Philosophical Studies*, 5, sel. articles, Ya.A. Slinin & E.N. Lisanyuk (Eds.). Saint-Petersburg: Saint-Petersburg: University. pp. 39—49. (In Russ.).
20. Rubakin, N.A. (1977). *The Psychology of the Reader and the Book: A Brief Introduction to Bibliological Psychology*. Moscow: Kniga. (In Russ.).
21. Melnikov, G.P. (2000). *Systemic typology of languages (synthesis of morphological classification of languages with stadial): Textbook*. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia. (In Russ.).
22. Jakobson, R. (1990). Shifters and Verbal Categories and The Russian Verb, L.R. Waugh & M. Monville-Burston (Eds.). pp. 386—392.
23. Bondarko, A.V. (1999). Taxis. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, p. 504. (In Russ.).
24. Khrakovsky, V.S. (2009). Taxis: semantics, syntax, typology. In *Typology of taxis constructions*, V.S. Khrakovsky (Ed.). Moscow: Znak publ. (In Russ.).
25. Gzgzyan, D.M. (1989). The function of the preposition in the composition of the semantic structure of the statement [abstract of dissertation]. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia. (In Russ.).
26. Aksakov, K.S. (1855). *About Russian verbs*. Moscow: Printing house of L. Stepanova. (In Russ.).
27. Nekrasov, N.P. (1865). *On the Meaning of the Forms of the Russian Verb*. Saint-Petersburg: Paulson's Printing House and Lithography. (In Russ.).
28. Dremov, A.F. (2001b). The meaning of the morpheme of the instrumental case and the meanings of the word forms of the instrumental case. *Philology at MGIMO*. sel. articles. E.G. Belyavskaya et al. (Eds.). no. 7 (22). Moscow: MGIMO. pp. 33—46. (In Russ.).
29. Dremov, A.F. (2006). The concept of the internal and external forms of the language system in the practice of teaching Russian as a foreign language. In *Proceedings of the annual conference of the Society of Slavic Studies of Korea*, sel. reports. Seoul: Gyeonggi University. pp. 319—340. (In Russ.).
30. Melnikov, G.P. (2003). Systemic typology of languages: Principles, methods, models, L.G. Zubkova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
31. Popov, A.V. (1881). *Syntax Studies. Nominative, vocative and accusative in connection with the history of the development of pseudo values and impersonal turns in Sanctuary, Sehnde, Greek, Latin, German, Lithuanian, Latvian and Slavic dialects* In *Special reprint from “Philological notes”*. Voronezh. (In Russ.).
32. Dremov, A.F. (1992). Linguistic model as the basis of the comparative description of languages In *Language contact issues and comparative language learning*, sel. articles, G.S. Romanova & G.G. Tyapko (Eds.). Moscow: MGIMO University. pp. 43—50. (In Russ.).

33. Vsevolodova, M.V. & Vladimirsky, E.Yu. (1982). Methods of expressing spatial relations in the modern Russian language. Moscow: Nauka. (In Russ.).
34. Fromm, E. (1990). To have or to be? (transl. from English), Dobren'kov (Ed.). 2nd ed. Moscow: Progress. (In Russ.).

Для цитирования:

Дремов А.Ф. Понятия простейшего и простого предложения в парадигме системной теории падежа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 43—62. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-43-62.

For citation:

Dremov, A.F. (2019). The concepts of the simplest and simple sentences in the paradigm of systemic theory of case. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 43—62. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-43-62.

Сведения об авторе:

Дремов Алексей Фёдорович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО (У) МИД России; *научные интересы*: философские аспекты языкознания, системная лингвистика, грамматика современного русского литературного языка; *e-mail*: afdream@bk.ru.

Information about the author:

Alexey F. Dremov, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Department, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs Russian Federation; *research interests*: philosophical aspects of linguistics, system linguistics, grammar of modern Russian literary language; *e-mail*: afdream@bk.ru.